

УДК 882

АНТИЧНЫЙ РОМАН ИСПЫТАНИЯ (К БАХТИНСКОЙ ТЕОРИИ РОМАНА)

© 2003 Л.С. Конкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Статья касается проблемы пространственно-временных единств (хронотопа) в бахтинской теории романа, рассмотренных им на примере древнегреческого романа. В статье рассмотрен хронотоп древнегреческого романа, названный Бахтиным «чужой мир в авантюрном времени».

Более двух столетий роману принадлежит ведущая роль среди других жанров в развитых европейских литературах. Впервые появившийся во времена поздней античности роман пережил сложную эволюцию, в процессе которой совершенствовались его содержательные возможности. Именно через роман шло и идет осознание становления личности и ее взаимоотношений с миром.

Ориентированный на быстро, а в последнее время на стремительно меняющуюся действительность, роман меняется быстрее и заметнее, чем другие жанры, а следовательно, чаще других жанров становится предметом острых полемических столкновений и идеологических споров. Такие споры, как правило, обостряются в исторически переходные и переломные моменты, когда роман, осмысляя новые явления действительности, меняет и обновляет и свою художественную структуру.

Создать теорию, опирающуюся на историю столь изменчивого жанра, трудно. Сделать это тем более трудно потому, что, говоря словами М. Бахтина, роман – это один из самых молодых жанров, рождение и становление которого происходит «при полном свете исторического дня» [2, с.447].

Размышления М.Бахтина о происхождении и сущности романа опираются на богатейшее теоретическое наследие в этой области. Осмысление романа как жанра началось уже в период формирования романа нового времени – XVII-XVIII вв. Особенно интересными представляются суждения о романе самих романистов

– Г. Филдинга, Х. Виланда, В. Гете и др., на которые, несомненно, опирался и Бахтин в своих обобщающих выводах об истории и поэтике жанра. Попытки систематического рассмотрения романа как жанра были предприняты в трактате Х.Ф. Бланкенбурга «Опыт о романе» («Versuch uber den Roman», 1774) и Ф.Шпильгагеном в его работе, посвященной теории и технике романа (Friedrich Spielhagen. Beiträge zur Theorie und Technik des Romans. Lps., 1883), а также романтиками – Ф.Шлегелем, Новалисом; греческий роман рассматривался Э.Роде (Erwin Rohde . «Der griechische Roman und seine Vorläufer», 1876) и др. Названные работы о романе имеют огромное значение для более поздних исследований, в том числе и бахтинских, и определенное преимущество перед ними, потому что были первыми работами, авторы которых пытались определить сущность романа. Самые ранние из них создавались в эпоху становления самого жанра. Уже Бланкенбург, например, назвал роман новым эпосом и тем самым предвосхитил в известной степени концепцию Гегеля, трактовавшего роман как «буржуазную эпопею».

В истории изучения романа суждения Гегеля, а впоследствии и Белинского, имеют, конечно, огромное значение. По мнению Гегеля, роман явился наследником важнейших особенностей эпоса. «Здесь, – писал он, – ... вновь выступает во всей полноте богатство и многосторонность интересов, состояний, характеров, жизненных условий, широкий фон целостного мира, а также эпическое изображение событий» [6, с.474]. «Прозаически упорядо-

ченая действительность» занимает место «изначально поэтического мира», считал Гегель, отсюда и возникает конфликт «между позицией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений», лежащий в основании романа. Это классическое гегелевское определение стало хрестоматийным определением самого жанра. Исходя из этого определения, последователи гегелевской концепции романа считают античный и средневековый роман только эмбриональной формой жанра.

Роман стоял в центре внимания Белинского уже с первых шагов его критической деятельности, причем взгляды великого критика на роман не оставались неподвижными. Они претерпевали серьезные изменения и в связи с развитием мировоззрения самого Белинского, и по мере изменения художественной практики XIX века, для которой было характерно широкое изображение жизненной прозы: суровой, часто беспощадной жизненной правды и конфликта личности, нашедших глубочайшее выражение в темах утраченных иллюзий, «лишнего человека» и т.д., которые становятся едва ли не главенствующими в русской литературе XIX века.

Итог своим размышлениям над теоретическими проблемами романа и его художественными задачами Белинский подвел, как известно, в последней своей обобщающей статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». «Роман и повесть, - писал он здесь, - даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейского быта, могут быть представителями крайних пределов искусства, высшего творчества... Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии; в нем талант чувствует себя безгранично свободным. <...> На его (романа) долю преимущественно досталось изображение картин общественной жизни, поэтический анализ общественной жизни» [3, с.315-316].

Начиная с работы А.Н.Веселовского «История или теория романа», написанной в 1886 г., роман в значительной степени является предметом изучения исторической поэтики. Веселовский отталкивался от известной в свое время книги Ф.Шпильгагена. Ему он противопоставля-

ет историческую и сравнительную точку зрения. «История поэтического рода, - пишет он в своей работе «Из истории романа и повести», - лучшая проверка его теории». Об этом тем более важно напомнить, что бахтинская концепция романа в ряде своих положений опирается на обширный опыт сравнительно-исторического литературоведения и прежде всего на фундаментальные исследования Веселовского. На этот факт указывает целый ряд исследователей. Так, О.Осовский писал: «Не будет никакого преувеличения в утверждении, что именно бахтинская теория романа становится его основным вкладом в новую историческую поэтику, творчески развиваемую на базе сравнительно-исторической поэтики Веселовского» [12, с.68]. «Обоснованность и продуктивность сопоставления идей М.Бахтина и А.Н.Веселовского, - подчеркивает другой исследователь, - сегодня не вызывает никаких сомнений» [14, с.33]. На открытие Бахтиным новых горизонтов в рассмотрении романного жанра указывает и третий исследователь. «Историческая поэтика Бахтина, - пишет А.В.Панков, - создала новое проблемное поле в литературоведении и придала культурологический пафос теории романа» [13, с.136].

Античный период развития европейской литературы в научном сознании М.М.Бахтина занимал большое место. Ни одно крупное исследование ученого не обходилось без обширной преамбулы или экскурса в историю античной литературы. Именно античность представлялась Бахтину тем самым источником, где и берет свое начало роман. Т.Г.Мальчукова, специалист в области античной литературы, особую заслугу Бахтина в изучении романа видит в сближении им теоретического, исторического и типологического подходов, которое, по мнению исследовательницы, стало возможным, благодаря введению последним понятия «память жанра» [9, с.52-68]. Жанр всегда нов, подчеркивал Бахтин, но всегда «помнит» свое прошлое, благодаря этому в нем всегда сохраняются элементы архаики. «Память жанра» позволяет сблизить диахронический и синхронический

подходы к изучению такого сложного явления, как жанр романа.

Однако место и значение античности в бахтинской концепции романа, на наш взгляд, изучены недостаточно. Внимание ученых сосредотачивается главным образом на рассмотрении Бахтиным тех типов романов, которые были созданы Достоевским и Рабле [20, с.255-297], и поэтому, несмотря на ряд основательных работ, посвященных роману в научном наследии Бахтина, античный роман привлекал гораздо меньшее внимание. Между тем античный период развития европейского романа рассматривался в целом ряде его работ 1930-40- годов: в работе «Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике» в связи с введенной им формально-содержательной категорией «хронотоп»; второе издание книги о Достоевском также расширяется за счет введения античного материала и в связи с рассмотрением генезиса романа. Этому же периоду уделяется большое внимание и в таких работах, как «Эпос и роман», «Из предыстории романного слова», «Слово в романе».

В понимании места и значения античного периода развития искусства и литературы М.Бахтин, несомненно, следовал в русле теоретических, историко-литературных и философских построений немецкой классической философии и прежде всего Гегеля. Вопрос о сопоставлении научных идей Бахтина, касающихся истории и теории романа, с концепцией Гегеля исследовался, в частности, Н.С.Лейтесом [8]. Последний справедливо подчеркивает, что Бахтин, как и Гегель, осмысляет роман в сопоставлении с героическим эпосом. Однако он не сближает эти явления, как это делает Гегель, называя роман «буржуазной эпопеей», а противопоставляет их.

Гегель считал, что роман явился наследником важнейших особенностей эпоса. «Здесь, - писал он, - ... вновь выступает во всей полноте богатство и многосторонность интересов, состояний, характеров, жизненных условий, широкий фон целостного мира, а также эпическое изображение событий» [6, с.474]. Эпическое Гегель характеризовал как «объективное в своей

объективности» и главной коллизией романа и его смыслом считал противоречие между «поэзией сердца» и «прозой житейских отношений». «Конфликт этот, - продолжает Гегель, - разрешается трагически или комически или же исчерпывается тем, что, с одной стороны, характеры, сначала противившиеся обычному порядку мира, учатся признавать в нем подлинное субстанциональное начало... и с другой, они удаляют прозаический облик со всего осуществляемого и свершаемого ими...» [6, с.474]. Это привело, считал немецкий философ, к сосредоточению романа на частной жизни человека, и хотя «настоящий роман, как и эпос», в понимании Гегеля, «требует целостности миросозерцания и взгляда на жизнь, многосторонний материал и содержание... обнаруживаются в рамках индивидуальной ситуации, составляющей средоточие всего целого» [6, с.475].

Для Бахтина эпический мир завершен «сплошь и до конца не только как реальное событие», но и в «своей ценности», потому что его нельзя «ни переосмыслить, ни переоценить» [2, с.460]. Роман же, напротив, имеет дело с неготовой «становящейся», самой злободневной действительностью. Не историческое предание, сохраненное памятью предков, становится предметом его осмысления, а повествование, опирающееся на свободный вымысел.

Однако согласиться с другим выводом Н.С.Лейтеса о том, что «в отличие от Гегеля Бахтин не занимается проблемой романной коллизии, ... он исследует романное слово», по нашему мнению, нельзя [8, с.23]. Античность не понималась Бахтиным как некая абстрактная реальность, а следовательно, она выступает как социально детерминированное явление. Вторая часть этого же вывода также представляется неполной, ибо романное слово – это только один из аспектов рассматривавшейся Бахтиным проблемы: Н.С.Лейтес упускает из виду еще два пути, которыми шла научная мысль Бахтина - рассмотрение им пространственно-временных характеристик и образа романного героя – черт поэтики романа, существенно определяющих, по мнению Бахтина, тип романа.

Внимание исследователей было обращено и на сопоставление точек зрения на роман А.Н.Веселовского и М.М.Бахтина [15]. Н.Д. Тамарченко, рассматривая обо-снованность и продуктивность сопоставления идей А.Н.Веселовского и М.М.Бахтина, пришел к выводу о том, что «преемственность в понимании задач исторической поэтики и путей их решения Бахтиным и Веселовским существует прежде всего в области теории и истории литературных жанров» [14, с.36]. На основании анализа высказывания Бахтина относительно теории жанров, разработанной Веселовским, Н.Д.Тамарченко делает свой вывод о том, что Бахтин считал ее «односторонней». «Бахтин, - пишет он, - имел все основания утверждать, что незавершенный труд Веселовского ” недостаточен усвоен и в общем не сыграл еще той роли, которая, как нам думается, принадлежит ему по праву”. Если с тех пор положение дел значительно изменилось к лучшему, то этим мы во многом обязаны именно Бахтину» [14, с.43].

Одно из самых ранних определений романа и его сущности можно найти в работе Бахтина начала 1920-х гг. «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве». «Роман, - читаем мы здесь, - есть чисто композиционная форма организации словесных масс, ею осуществляется в эстетическом объекте форма завершения исторического или социального события, являющаяся разновидностью формы *эпического завершения*» (Выделено Бахтиным. Л.К.) (ВЛЭ. С.19). Исходя из приведенного определения, ясно, что здесь Бахтин еще в значительной мере следует за гегелевским пониманием романа, как формой «прозаически упорядоченной действительности», причем из этого определения ясно, что действительность понимается Бахтиным именно как социальная. Однако здесь нет ещё существенно важных для последующего развития бахтинской теории романа понятий «хронотоп», «карнавальность», «мениппея».

Концепцию «хронотопа» и «хронотопичности» образа человека и слова в романе, существенно важных для бахтин-

ской теории романа, он развивает в работе «Формы времени и хронотопа в романе» уже в 1930-х гг. Рассмотрение начинается с периода античности и анализ различных типов античного романа напрямую связывается Бахтиным с вводимой им категорией.

Мы рассмотрим греческий софистический роман, как он был представлен Бахтиным в указанных его работах. Хронотоп в понимании Бахтина категория формально-содержательная. Сам термин заимствован ученым из естествознания и применен им к художественному времени и художественному пространству романа. «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории», - так Бахтин определяет вводимую им категорию [1, с.121].

Художественное время в русском литературоведении до Бахтина и до введения им категории «хронотоп» исследовалось неоднократно. Здесь можно указать на ряд работ 1920-х годов [19; 5]. Бахтин рассматривает художественное время в сочетании с формами пространства. Последние, в свою очередь, характеризуются им как «чужой мир», «родной мир», «чужесный мир» и т.д. Что же такое хронотоп в понимании Бахтина? «На первичном уровне применения хронотоп напоминает устойчивый формальный элемент, близкий по статусу «мотиву» и «функции» в структуралистских анализах, - считает М.Холквист [18, с.268]. Но хронотопы не только приемы, хронотоп у Бахтина не изолирован от социо-культурной среды, в которой он возникает, и используется как средство для анализа взаимоотношений между любым текстом и его эпохой, то есть как основополагающий прием для более широкого социально-исторического познания» [18, с.271]. Н.Д.Тамарченко, сопоставляя концепции Бахтина и Веселовского, указал, что «наибольшую близость к идеям Веселовского можно увидеть в разработке Бахтиным

теории хронотопов» [14, с.38] и что самым исходным пунктом бахтинской теории хронотопа является понятие мотива у Веселовского. Мотив встречи, дороги и т.д. становится «хронотопом дороги», «хронотопом встречи» и т.д. в научном терминологическом аппарате Бахтина.

Термин «хронотоп» Бахтин прилагает и к греческому античному роману. Характеризуя этот тип романа, Бахтин пишет: «Сюжеты всех этих романов (равно как и их ближайших и непосредственных преемников - византийских романов) обнаруживают громадное сходство и, в сущности, слагаются из одних и тех же элементов (мотивов); в отдельных романах меняется количество этих элементов, их удельный вес в целом сюжета, их комбинации» [1, с.124]. Греческий роман – явление синкретическое. В его формировании, считает Бахтин, участвовали любовные мотивы эллинистической любовной поэзии, описательные мотивы, присутствующие в нем, были подготовлены греческим географическим романом и историческими описаниями Геродота, поэтому и «известный синкретизм жанровых моментов в греческом романе отрицать не приходится» [1, с.125]. Все эти разножанровые элементы переплавлены в новое единство, «конституативным моментом которого и является авантюрное романное время». Этот процесс, считает Бахтин, мог совершиться только благодаря хронотопу, в котором событие становится *образом*. Разножанровые элементы приобрели в хронотопе новый характер и новые функции, а потому перестали быть тем, чем они были в жанрах любовной поэзии, античного эпоса, географических или исторических повествований. Так формируется хронотоп греческого романа, названный Бахтиным - «чужой мир в авантюрном времени» [1, с.126].

Что же такое «греческий роман»? Можно ли с полным правом применять это жанровое определение к типу повествования, созданного античностью? В.Б.Шкловский, размышляя об этом типе повествования, писал: «... отказаться начисто от употребления термина «греческий роман», или, шире, «античный роман», мы не мо-

жем, хотя термин поздний и употреблять его надо с осторожностью, для того, чтобы вместе с термином не перенести более позднее представление на ранние явления» [21, с.140]. Сам Бахтин, говоря о греческом софистическом романе, ссылается на Б.Грифцова и на определение, которое дано в книге «Античный роман» (1925 г.) автором вступительной статьи А.Болдыревым. Последний приводит определение романа из анонимной античной риторики. Вот это определение: «Этот род рассказа должен заключать в себе: веселый тон повествования, несхожие характеры. Серьезность, легкомыслие, надежду, страх, подозрение, тоску, притворство, сострадание, разнообразие событий, перемену судьбы, неожиданное бегство, внезапную радость, приятный исход событий».

Софистический или греческий любовно-авантюрный Ахилла Татия, несколько особняком стоит роман Лонга «Дафнис и Хлоя».

Указанная группа романов выработала довольно четкую схему повествования и набор повторяющихся мотивов. Благородные юноша и девушка, происхождение которых или неизвестно, или таинственно, влюбляются друг в друга. Они наделены исключительной красотой, благородством и чистотой. Но они не могут соединиться в браке, потому что в самый момент знакомства и неожиданно вспыхнувшей страсти, в сюжет романа включаются события, ретардирующие его развертывание. События, замедляющие развертывание действия романа, также представляют клишированный набор сюжетных поворотов – кораблекрушения или плен, покушения или нападения пиратов, бегство влюбленных или их путешествие, даже мнимые смерти героя или героини. Все эти приключения (авантюры) составляют сюжет самого романа. Поэтому Бахтин считает, что античный греческий роман, являющийся по сути авантюрным романом, отличается и «высоко и тонко разработанным типом *авантюрного времени*». [1, с.123-124].

«Разработка этого авантюрного времени и техника его использования в романе настолько уже высока и полна, что все последующее развитие ч и с т о авантюр-

ного романа вплоть до наших дней ничего существенного к ним не прибавило», - подчеркивает Бахтин [1, с.124]. Неизменными в романе такого типа остаются любовь и верность героев друг другу, а также их необыкновенная красота и чистота. Б.А.Грифцов в своей книге «Теория романа» также подчеркивал, что несмотря на то, что в центре повествования в софистическом романе почти всегда стоит влюбленная пара, он не является романом любовным, потому что повествование сосредоточено не на чувствах, переживаемых влюбленной парой, а на их приключениях. Это скорее приключенческий роман [7].

Авантюрное время греческого романа, считал Бахтин, имеет свои особенности: оно не оставляет никаких ощутимых следов. Оно никак не меняет героев и в конце романа, пережив множество приключений и бедствий, они остаются также молоды, чисты и влюблены друг в друга, как и в начале. Это время, подчеркивает Бахтин, не имеет никакой ни биологической, ни циклической, ни возрастной длительности. Исходной точкой развития сюжета является первая встреча героев и вспышка их страсти друг к другу, завершающая точка - их благополучное соединение в браке.

Об особенностях восприятия и ощущения времени в античной литературе писала О.М.Фрейденберг в книге «Поэтика сюжета и жанра»: «Сознание не сразу вычленяет время; оно не видит пространства в дали и в «воздухе», не воспринимает подлинной последовательности во времени и, нанизывая события одно на другое в рассказе и в рисунке, снимает отличие между кратким и долгим, более или менее важным в отношении времени; величайшему, с нашей точки зрения, моменту и какой-нибудь дверной притолоке оно уделяет равное внимание («эпическое спокойствие»)» [16, с.270].

Авантюрное время греческого романа, по мнению Бахтина, также ничего не «вычленяет», не идентифицируется: оно лишено какой-либо исторической, биографической или иной определенности: оно абстрактно. Исходная и конечная точки сюжета греческого романа, образуют, по

мнению М.Бахтина, «зияние», в котором и сосредотачиваются основные события романа. Сами точки сюжета имеют биографическое значение, но роман построен не на них, а на том, что лежит вне их. «... все действие греческого романа, - подчеркивает Бахтин, - все наполняющие его события не входят ни в исторический, ни в бытовой, ни в биографический, ни в элементарно биологически-возрастной временные ряды < ...> В этом мире ничего не меняется: мир остается тем же, каким он был, биографическая жизнь героев тоже не меняется, чувства их тоже остаются неизменными...» [1, с.128].

«Внутри себя», продолжает Бахтин, это время состоит из коротких отрезков - авантюры, соединенных между собой чисто техническими приемами. «“Вдруг” и “как раз” - наиболее адекватные характеристики всего этого времени, ибо оно вообще начинается и вступает в свои права там, где нормальный, и прагматически или причинно осмысленный ход событий прерывается...» [1, с.129]. Авантюрное время греческого романа управляется случаем: «случайной одновременностью и разновременностью событий» и лежит в точках разрыва нормального событийного ряда. Действием авантюрного времени объясняет Бахтин и такие мотивы греческих романов, как потери и обретения, встречи и расставания, поиски и обретения. Но из всего этого комплекса мотивов М.Бахтин более подробно останавливается лишь на характеристике мотива встречи, или хронотопа встречи, подчеркивая его сюжетообразующее значение.

Авантюрный хронотоп характеризуется, подчеркивает Бахтин, не только абстрактно-технической организацией «внутри себя», но такой же абстрактной связью времени и пространства. Обратимости моментов временного ряда соответствует такая же переместимость в пространстве. «Та степень абстрактности, которая необходима для греческого авантюрного времени, в условиях изображения своего родного мира ... была бы совершенно неосуществима,» - полагает Бахтин и называет мир греческого романа *чужим миром*. Но чужой мир не противопоставлен миру

«своему»), а потому пространство чужого для героев мира характеризуется высокой степенью абстрактности. Он чужой *вообще*. Каким же должен быть герой в условиях авантюрного времени с его случайной «одновременностью и разновременностью событий», живущий в «чужом мире» художественного пространства греческого романа?

А.Н.Веселовский писал: «В Греции ... роман принадлежит той поре..., когда самостоятельная Греция исчезла во всемирной монархии, смешавшей восток и запад, предания политической свободы померкли вместе с идеалом гражданина, и личность, почувствовав себя одинокой в широких сферах космополитизма, ушла в самое себя, интересуясь вопросами внутренней жизни за отсутствием общественных...» [4, с.66]. Эти слова Веселовского помогают многое понять в характеристике героя греческого романа, данной Бахтиным, который, отвечая на поставленный вопрос: «Каким же должен быть человек в условиях авантюрного времени?», отвечает так: «Совершенно ясно, что в таком времени человек может быть только абсолютно *пассивным* и абсолютно *неизменным*. С человеком здесь, как мы уже говорили, все только *случается*» [1, с.142].

Важнейшей чертой героя греческого романа Бахтин считает его тождество с самим собой. Все основные мотивы греческого романа - встречи и разлуки, потери и обретения - так или иначе направлены на выявление этого несокрушимого тождества. Идея испытания героев на тождественность становится композиционно-организующим центром всего повествования, поэтому и роман этого типа назван Бахтиным *романом испытания*. Что же такое тождество? Бахтин связывает эту черту поэтики греческого романа с глубинами народного фольклора, которая выражается в том, что в человеке сохраняется «драгоценная крупица народной человечности, передана вера в несокрушимое могущество человека в его борьбе с природой и со всеми нечеловеческими силами» [1, с.143]. «Грек, - пишет он, - в каждом явлении родной природы видел след мифологического време-

ни, сгущенное в нем мифологическое событие, которое могло быть развернуто в мифологическую сцену или сценку» [1, с.141].

Формы для выражения частного или, как говорит Бахтин, частного, человека античность выработала только в лирике и бытовой комедии. Приватность человека в греческом романе также раскрывается через авантюрное время. Человеку приходится существовать в этом авантюрном времени, и частью социального целого он себя не ощущает. Слова Веселовского о том, что личность, почувствовав себя одинокой, «уходит в самое себя», интересуется вопросами только частной жизни за отсутствием интересов жизни общественной находят своеобразное подтверждение и в концепции частного человека греческого романа, которую представляет Бахтин. Изолированность частного человека, выраженная через авантюрное время греческого романа, по мнению Бахтина, в поэтике греческого романа проявляет себя и может проявить только через события общественно-значимые. Поэтому, например, в романе «Левкиппа и Клитофонт» любовная линия, составляющая основу повествования, «привязана к событию исторически значимому - войне между византийцами и фракийцами».

Ещё одним способом выражения душевного мира человека в античности служили риторико-юридические формы. Судебные процессы, различного рода юридические разбирательства призваны были, с одной стороны, доказать тождественность героя самому себе, его гармонию с миром, с другой, представить ее читателю в форме публичного отчета. Другой формы показа частной жизни человека, подчеркивает Бахтин, античность не знала. Именно поэтому частный человек ведет себя внешне как публичный человек риторических и исторических жанров античности: «... он произносит длинные риторически построенные речи, в которых освещает не в порядке интимной исповеди, а в порядке *публичного отчета* приватно-интимные подробности своей любви, своих поступков и приключений» [1, с. 144].

Суд, введенный в сюжет многих греческих романов, существенно определил и постановку героя романа. «Уже здесь, - подчеркивает Бахтин, - образ человека глубоко пропитывается судебно-риторическими категориями». Как повествование о частном приватном человеке греческий любовный роман решительно противостоит эпосу и его герою, в сопоставлении с эпосом Бахтин и осмысляет героя романа: там человек публичный, здесь - частный. Греческий роман не сумел и не мог подняться до настоящего показа и анализа частной жизни человека, показа его внутреннего мира, отчего и все «...рассуждения о психологизме греческого романа следует отвергать как недопустимую модернизацию», - пишет Е.М.Мелетинский, как бы продолжая мысль Бахтина [11, с.11]. Через риторико-юридическую концепцию человека, подчеркивал Бахтин, греческий роман сделал попытку представить внутренний мир своих героев.

В хронотопе «чужой мир в авантюрном времени» греческого романа мир противостоит и даже враждебен приватному человеку, подобно тому, как личность переживает превратности судьбы в буржуазном обществе – исходной формуле романа как жанра в гегелевском понимании. Известно, что человек Эллады не отделял себя от внешнего мира, природы. На это свойство указывает и Бахтин. Эпическое время было тесно переплетено с мифологическим, отчего и классические хронотопы греческих мифов стали своего рода антиподами хронотопов греческого романа. Совершенно очевидно, что Бахтин видит зародыш своеобразного конфликта личности («просто человека») греческого романа с «чужим» ему миром. «Чужой мир», рассмотренный в рамках античности можно понять как буржуазный мир, противостоящий личности в романе нового времени в классическом гегелевском определении.

Как нам представляется, Бахтин видит уже в античном греческом авантюрно-любовном романе зародыш этого конфликта личности, хотя и личности здесь также еще нет – есть просто человек, взятый в своей неизменности – «тождествен-

ности», понимаемой как его гармоническая целостность и единство с окружающим его миром. Неизменность, тождественность героя романа мыслится Бахтиным, как нам представляется, и как синоним неразвернутости его внутреннего мира. Внутренний мир человека был показан в греческом романе в значительной степени формально.

Испытания героев также носят формальный характер. Но для Бахтина и его концепции важны не они, а выделяемая, акцентируемая им, *идея испытания* - существенно важная для будущего развития этого жанра. Таков греческий софистический любовно-авантюрный роман, названный Бахтиным *романом испытания*. Идея испытания героев, отмеченная Бахтиным, как существенно важный элемент поэтики греческого романа, имела в истории жанра огромное композиционное значение. Она давала возможность «глубоко и существенно организовать разнородный материал вокруг героя» и «соединить острую авантюренность с глубокой же проблемностью и сложной психологией», считал Бахтин. Более того, он усматривал идею испытания, лежащую в основании романов, далеко отстоящих от античности, например, в русских романах о так называемых «лишних людях». Этот тип романа он считал «особым типом романа испытания» [2, с.206]. Однако нельзя полностью переносить все элементы поэтики греческого романа на роман XIX века с его глубоким психологизмом и сложно эволюционирующим героем. Здесь от греческого романа остается только идея испытания, разворачивающаяся в авантюрном времени.

Совершенно «особняком», как говорил Бахтин, в античной литературе стоит роман Лонга «Дафнис и Хлоя». В этом романе превратности судьбы, выраженные в кораблекрушениях, нападениях пиратов, бегствах и потерях, которые переживаются героями романа, построенного на идее испытания, отодвинуты на второй план. На первом плане оказываются чувства героев, переживаемые ими любовные эмоции, а само действие заключено в тесный мир пастушеской идиллии. Здесь нет чужого мира и нет превратностей судьбы. Хроно-

топ романа Лонга – пастушеско-идиллический. Идиллической время этого хронотопа сочетает в себе природно-циклическое время, естественно связанное с жизнью пастухов и земледельцев, и бытовое время. «Это, - пишет Бахтин, - густое и душистое, как мед, время небольших любовных сенок и лирических излияний, пропитавшее собою строго отграниченный и замкнутый и простилизованный клочок природного пространства...» [1, с.140].

Идиллический хронотоп романа Лонга, считает Бахтин, был разработан ещё в александрийской буколической поэзии. Пастушеско-идиллический хронотоп, подчеркивает Бахтин, образует в истории европейского романа «свою линию». Он «работает» во многих сценах русских романов XIX века. Е.М.Мелетинский в своих выводах относительно романа Лонга, опираясь на Бахтина, пишет: «...в своей абстрактности греческий любовный роман не подымается до настоящего анализа внутренней жизни героя и изображения его становления, «воспитания». Его предел – это описание пробуждения индивидуально направленных любовных эмоций в связи с «возмужанием» Дафниса и Хлои» [10, с.132-133].

Идиллическим хронотопом античного романа, считает Бахтин, через посредство рыцарского романа, где он ярко представлен в романах о Флуаре и Бланшефлор и об Окассене и Николетте, оказывает влияние на роман нового времени. Обыденно-циклическое и бытовое время идиллического хронотопа романа Лонга, считает Бахтин, можно встретить в разных его вариациях в произведениях Гоголя, Тургенева, Глеба Успенского, Салтыкова-Щедрина и даже Чехова, произведения которого начинаются XX век.

Итак, хронотоп греческого романа в разных его вариациях проявляется в западноевропейской и русской литературе. Мотивы дороги и встречи, а следовательно и хронотоп дороги и встреч на ней, указывает Бахтин, «сохраняется в историческом романе у Вальтера Скотта, особенно в русском историческом романе» [1, с.277]. На достаточно частое обращение русских романистов к такому «ходовому

приему», как описание дорожного состояния действующих лиц в исторических романах, говорит в своем фундаментальном исследовании И.П. Щерблюкин [22, с.128-130]. «В наиболее яркой и романтически-интригующей форме этот прием, - по мнению исследователя, - был использован Вальтером Скоттом (вспомним данное почти в самом начале романа “Айвенго” описание кавалькады знатных норманнов во главе с приором Эймером и рыцарем – храмовником Брианом де Буальгибером, отправляющихся на рыцарский турнир). Дорожным эпизодом начинается основное действие и в другом знаменитом романе В. Скотта “Кветин Дорвард”...» И.П. Щерблюкин считает, что «с легкой руки «шотландского чародея» мотив дороги, «дорожные зачины» стали едва ли не эталонным европейского исторического романа» [22, с.130].

Вопрос о стилистике античной романной прозе – вопрос сложный. На античной почве сложились, считает Бахтин, важнейшие предпосылки двуголосого и двуязычного романа, подготовившие развитие полифонического романа XIX века. Но зачатки подлинной двуголосой и двуязычной прозы в античности не всегда довели роману. Они проявлялись гораздо более отчетливо в таких жанрах античной литературы, как новеллы, сатиры, некоторых биографических и автобиографических формах. Начало подлинного разноречия и подлинного прозаического стиля Бахтин видит только в «Апологии Сократа» Платона.

Романы софистические, допускающие некоторое разнообразие конструктивных частей и даже готовых жанров (рассказ от автора, рассказы действующих лиц, афоризмы, риторические речи и вставные рассказы, письма), напротив, характеризуются Бахтиным как романы, отличающиеся резкой и последовательной стилизацией, то есть чисто монологической выдержанностью стиля.

М.Бахтин считал, что софистические романы и композиционно, и тематически наиболее полно выражали природу романного жанра на античной почве и оказали огромное влияние на все последующее

развитие европейского романа в его монологической ветви. М.М.Бахтин рассматривает формы времени и пространства греческого романа и приходит к выводу что они проявляются в средневековом романе, галантном романе XV-XVI вв. («Амадис» и особенно пастушеском романе), романе барокко и даже просветительском романе. С опорой на поэтику софистического романа, подчеркивает М.Бахтин, строились и теории самого романного жанра от книги Юэ “Essey sur l’origine des romans”(1670 г.) вплоть до книги Эрвина Роде о греческом романе “Der grichische Roman und seine Vorlauffer” (1876 г.).

Мы остановились на анализе только на одного из видов античного романа – греческом софистическом романе. Бахтин называет этот роман романом испытания и подчеркивает значение авантюрного времени в построении сюжета и постановке героя романов этого типа. Предшественники Бахтина не всегда уделяли внимание античному периоду развития романа, хотя значение этого периода не вызывает сомнений. Значение бахтинских выводов состоит в том, что в генезис европейского романа им была включена античность.

Теория хронотопа, приложенная к поэтике греческого романа, значительно расширила представления об этом типе романа и протянула линию от античного романа к романам нового времени. Особая заслуга Бахтина состоит и в том, что, обратившись к исследованию античного романа, он связал его поэтику с романами нового времени и показал их генетическое родство. Существенным добавлением к теории жанра является и рассмотрение Бахтиным особенностей и значения постановки героя греческого романа.

В заключении отметим, что мы остановились на рассмотрении только одного типа античного романа. Но это - один из самых ранних из европейских романов, от которого берет свое начало ветвь европейских и русских романов, где проявляются черты поэтики этого древнего вида. Рассмотренные нами материалы дают возможность для дальнейшего изучения бахтинской концепции романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтин М.М.* Формы времени ихронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. - М.: Худож.лит., 1986.
2. *Бахтин М.М.* Эпос и роман // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. - М.: Худож.лит., 1975.
3. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 года // Белинский В.Г. Полн.собр.соч. Т.Х.
4. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. - М.: Худож.лит., 1940.
5. *Волошин Г.* Пространство и время у Достоевского // Slavia, roen XII, 1933.
6. *Гегель Г.* Эстетика. - Т.3.- М.: Искусство, 1969.
7. *Грифцов Б.А.* Теория романа. - М., 1927.
8. *Лейтес Н.С.* Теория Гегеля и концепция Бахтина (К методологии изучения романа как жанра) // Проблемы истории и методологии литературной критики. Матер.научн.конф. – Душанбе, 1982.
9. *Мальчукова Т.Г.* Наследие М.М.Бахтина и изучение античной литературы. - Саранск, 1992.
10. *Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. - М.: Наука, 1986.
11. *Мелетинский Е.М.* Средневековый роман. - М.: Наука, 1983.
12. *Осовский О.Е.* Диалог в «большом времени». - Саранск, 2001.
13. *Панков А.В.* Разгадка Бахтина. - М., 1995.
14. *Тамарченко Н.Д.* М.М.Бахтин и А.Н. Веселовский (Методология исторической поэтики) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. - 1998. - № 4.
15. *Тамарченко Н.Д.* Реалистический тип романа (Введение в типологию русского реалистического романа). Кемерово, 1985.
16. *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. - М.:Лабиринт, 1995.
17. *Фридендера Г.М.* Реализм Достоевского. - М-Л.: Наука, 1964.
18. *Холквист М.* Диалог истории и поэтики // Бахтинский сборник II. Бахтин между Россией и Западом. - М., 1991.

19. *Цейтлин А.Г.* Время в романах Достоевского // Русский язык в школе. - 1927. - №5.
20. *Шкловский В.Б.* Франсуа Рабле и книга М.Бахтина // Виктор Шкловский. Тетива. О несходстве сходного. - М.: Советский писатель, 1970.
21. *Шкловский В.Б.* Художественная проза. Размышления и разборы. - М.: Худож.лит., 1959.
22. *Щеблыкин И.П.* У истоков русского исторического романа. – Пенза, 1992.

THE ARTICLE CONNECTS WITH THE PROBLEM OF THE CATEGORIES OF THE TIME AND SPACE (CHRONOTOPES) IN THE NOVELS IN THE LIGHT OF THE BAKHTIN'S THEORY OF THE NOVEL

© 2003 L.S. Konkina

Mordovsky State University after N.P. Ogarev

The article connects with the problem of the categories of the time and space (chronotopes) in the novels in the light of the Bakhtin's theory of the novel. In her article L.S.Konkina deals with the chronotope, called Bakhtin as "alien peace in the adventure time" in the ancient Greek (sophistic type of novels).